

Юрий Мори

Иллюстрация Сергея Дергачева

Живая

— А он вообще кто? — Михеев прикурил на ходу, махнул рукой: спичка улета в сторону скрюченным черным трупиком. Редкий снег, выданный Господом из серого неба, устроил ей негромкие похороны за пару минут.

— Кто, Развальский? Ну этот... Скульптор он. Большая и малая формы. В прошлом году бюст губернатора слепил, тому понравилось. Теперь в почете, для обыска ордер получить с ходу сложно, нужны обоснованные подозрения, которых нет. Да и что искать? А вот глянуть бы надо.

Дорожка под ногами узкая, но протоптанная почти до земли, то и дело хрустят под подошвами вмерзшие в лед травинки. Зеленовато-желтые, похожие на насыпанное специально еще с осени сено, так и оставленное зимовать. Но нет, никто руку не приложил, сама трава здесь растет. Летом вокруг, считай, лес.

— И что мы у него забыли?

Харин промолчал. Напарнику хорошо, не холодно, видимо. Опять же курево душу греет, да и одет теплее. А вот он спросонья нацепил легкую, не по погоде, куртку — теперь мучайся.

— Начальство велело разобраться, вот и работаем, — скупно сказал Харин, но после все же добавил: — Осмотреть надо мастерскую. Рядом она. Получается, к парку почти относится. Может, и сам местный гений видел чего, слышал. Сам понимаешь, дело-то мутное...

Это вот да. Точнее и не скажешь: мутное. Третий труп в парке за неделю. Причем криминала, по словам экспертов, ноль. Все трое — чистый суицид. В парке. Ночью, забравшись черт знает куда в холмы, где уже и не парк вовсе, а почти лес, хоть и негустой. Ни пропавших вещей, ни следов борьбы — ничего. Даже телефоны у всех троих остались, по биллингу и нашли после заявлений о пропаже.

Мутное дело.

Вот от бабкиного... простите, тела новопреставленной Васильевой Марии Федоровны, года рождения тыща девятьсот тридцать... а, да не важно! Вот оттуда они и шли навестить скульптора. Не он один в длинном списке проживающих и работающих возле парка, но — сейчас на очереди.

Оба опера — курящий жеваную папиросу грузный Михеев и кажущийся совсем подростком (еще и яркая тонкая куртка) Харин — дальше шли молча. Конечно,

умнее было бы добраться по дороге, сам скульптор так и делал: там расчищено, на машине подъехать можно. Но это крюк километра два. Сперва вернуться по центральной аллее к въезду, потом подняться до узкой улицы, словно нависающей над парком, а по ней уже пройти минут пятнадцать. Либо так, как они — напрямик, по тропинкам, протоптанным неведомо чьими ногами. Кого же черт несет в центральный парк в феврале по этим местам, лыжников, что ли?

Дорожка пошла на подъем между серых голых деревьев. Покроются листвой по весне — чаша будет. Идти стало сложнее, зато Харин согрелся. Давно выкинувший папиросу Михеев пыхтел сзади. Ничего, вон уже заборы видны крайних домов, где-то там и мастерская. Ограждение серьезное, на краю парка жить иначе никак: летом бомжи залезут, а зимой здесь, говорят, кабаны бродят. Зайдут во двор с голодухи — не подарок: взруют все, что смогут.

— Долго еще? — сопя, спросил напарник.

Харин махнул папкой с протоколами:

— Вон, синий забор видишь? Из профнастила. Сказали, там.

— А соседи кто?

— Да тут типа как дачи, никто зимой постоянно не живет. Сам Развальский тоже в центре прописан, здесь только рабочее место. Тишина, прилив вдохновения, выпить-закусить...

Михеев только хрюкнул, не хуже кабана.

На расчищенной улочке остановились, потопали ногами, стряхивая налипший снег. Харин удобнее перехватил папку. Ручку бы не посеять в этих странствиях, а то скульптора найти недолго, но записывать после — чем?

Возле приметного синего забора была брошена старая «тойота». Неаккуратно, мордой в сугроб возле входа. Видимо, торопился творец, жгло его желание поскорее припасть к очередному шедевру. Или парковаться толком не умеет. Над крышей домика, на самом деле больше похожего на дачу, только украшенную сбоку странной приземистой пристройкой, дрожало марево горячего воздуха. Вон и труба. Из нее, да. По всем признакам, на месте господин Развальский.

Михеев расстегнул дубленку и сунул руку под мышку. То ли почесаться, то ли поправить кобуру, кто его знает. Харин смотрел на него с сомнением. Мужик вроде неплохой, не пьет, как многие, но сложновато с ним. С одной стороны, и претензий никаких, но пообщаешься — скользкий какой-то. Ненадежный. Впрочем, у всех свои тараканы. У Михеева еще терпимые — Разинович вон каждый день подшофе, не дай бог с ним в паре работать, один перегар чего стоит.

Над улицей, сделав неожиданную петлю, шумно пролетела ворона. Черная, как душа самоубийцы, жирная. Каркнула и скрылась за крышами домиков. Пора было идти в гости к владельцу «тойоты».

«Ведьмаку заплатите чеканной монетой, уа-о-о!» — зажурчало в кармане напарника. Михеев вздрогнул, выдернул руку из меховых недр дубленки и двумя пальцами, едва не выронив, выцепил орущий телефон. Жена, на-

верное. Она ему каждый час названивает. Харин скрипел и сплюнул в сторону: стой теперь, мерзни, пока особенно похожий сейчас на дрессированного медведя напарник не закончит трепаться. И был бы повод, еще понятно, а то: «Да, милая! Конечно, Риточка! Все куплю. Нет, не забуду».

Сам Харин был давно в разводе, что радовало: хоть не звонит никто каждый час.

— Кончай бакланить! — сказал он Михееву, но тот только нервно дернул головой и продолжил односложно поддакивать в трубку. Ладно, пока говорит, попробуем что-то в голове уложить.

Началось все неделю назад. Нет, восемь дней уже. Студент местного лесотехнического Артемов Кирилл, двадцать лет. Проводил девушку домой, родители ее — свидетели. И соседка мусор выносила, подтвердила. Проводил. Поцеловал на прощание, обещал написать ВКонтакте, как домой доберется. Тихий домашний парень, по всем отзывам. Не алкаш, не наркот, не бандит. Судя по биллингу трубки, от девушки, которая живет... ага, в Северном. А сам Кирилл? Юго-Западный, самый край. Маршрутка есть прямая, даже две, вторая только ходит реже. А парк, скажем честно, в стороне... Так вот, вышел от барышни, сел на совершенно ненужный, по идее, маршрут, поехал вообще в сторону левого берега, но не добрался. Вышел у парка и пошел туда, в самые заросли и сугробы. Снял ремень, сделал петельку и на кривой сосне... того. Покинул юдоль скорби. Он никому не звонил, у него восемнадцать пропущенных входящих — в основном от родителей. Девушка сообщения сыпала в соцсеть до ночи, потом сподобилась пару раз набрать и голосом. Безуспешно. Почему именно он, почему именно так?

Ломать голову можно вечно. Будь случай единичным, никто и расследовать бы не стал. Вешаются сограждане, прыгают с крыш, травятся таблетками. Суровая реальность, причин которой не понять ни Господу Богу, ни его вечному оппоненту. Опилки у людей на месте извилин, вот и так.

Второй случай — пять дней назад.

Степанов Олег Васильевич, пятьдесят три года, менеджер по чему-то торговому. Еще затейливее: день рождения у Олега Васильевича как раз был. Гости приехали, жена торт испекла. Сама? Сейчас это редкость. Дети — а у него их двое — собрались: старший с женой, младший из Москвы приехал, он там учится. Гражданин будущий самоубийца вдруг подорвался, накинул куртку и сказал, что подарок ему привезли от Димки. Никто в суете и внимания не обратил: ну, подарок, понятно. А менеджер тем временем в домашних тапочках и куртке на рубашку спустился вниз, сел в машину и уехал. Хватились через полчаса, он уже успел и «гранту» свою на аллее бросить, и в густой сосняк зайти. Вербку из машины взял, предусмотрительно. Анализ звонков показал, что никто незнакомый перед решительным броском навстречу смерти ему не звонил, он тоже никого не набирал. Вот так — встал и поехал. Кто такой Димка — вообще осталось непонятным, близких друзей с этим

именем нет, знакомых опросили. Нашли достаточно легко, вокруг ничьих следов не было. Сам, все сам. И на то, что снегом засыпало отпечатки ног неведомого убийцы, надежд не было: одна цепочка следов — от аллеи и до дерева. Далее в вечность, за оградой и без креста.

Болтун Михеев зачмокал в трубку, аж слюна брызнула. Харина передернуло, но признак это хороший — прощается уже, похоже, напарник с супругой. На час, но тем не менее.

Учитывая, что в местные новости случай со студентом не попал, о какой-то эпидемии — услышал и повторил — речи быть не могло. Про менеджера написали, просочилось, но тоже... без резонанса. А сегодня вот бабка... тьфу ты, старушка. Соблюдаем вежливость. Мария Федоровна, год рождения, проживала, блабла-бла... Кстати, коротала дни в пригороде, отсюда километров двадцать, там ей места не было старческие вены вспороть, надо было сюда переться? Выходит, что надо. Но зачем?

Первые двое попали под камеры наружного наблюдения. Ничего интересного, поведение обычное, с ними никого не было. Насчет старушки проверить пока не успели, но Харин был почему-то уверен — и она шла сюда одна. Дурдом, а не дело.

Михеев наконец-то сунул телефон в карман, немного криво ухмыльнулся, но извиняться не стал. Он никогда не извиняется.

— Пойдем, что ли? — посмотрев на суровое лицо напарника, спросил он. — Ну, жена, да.

— Это я, Витя, понял, что жена. — Харин начал злиться.

На громкий стук в калитку из все того же трясущегося под ударами профнастила хозяин отозвался не сразу. Судя по отсутствию лая, собаки у него не было, а сам, наверное, творит в поте лица и зубном скрежете. Даже не слышит ничего.

— Может, тачку его попинать? На сигнализацию скорее выскочит, — предложил Михеев. Лицо у него было сморщенное, как лимон сжевал. Видимо, жена что-то не то наговорила, несмотря на «чмоки-чмоки» под занавес беседы.

— Стучи, откроет, — буркнул Харин. Идея с машиной была неплоха, но признаваться напарнику не хотелось. Перетопчется.

Развальский наконец-то открыл калитку. Неслышно подошел со двора, никаких вопросов не задавал, просто очередной пинок Михеева по гремящему железу пришелся в пустоту.

— Полиция, — сообщил Харин, разглядывая скульптора. — Капитан Харин. Можно войти? Мы опрашиваем возможных свидетелей.

— Старший лейтенант Михеев, — тут же хрюкнул напарник.

Развальский поморгал подслеповатыми глазами, пригладил волосы — длинные, с седыми прядями, и уточнил:

— Свидетелей чего, позвольте спросить? Хотя да!

Вы ж полиция, толком ничего не скажете... Вы заходите, заходите! — Развальский глухо, надсадно раскашлялся.

Вид у него соответствовал профессии: крепко за шестьдесят, высокий, хоть и сутулый, худой, с длинными, зачесанными назад волосами и узкой, клинышком, бородкой. Эдакий свободный художник, на что настойчиво намекал испачканный кожаный фартук поверх джинсов и цветастого свитера в каких-то узорах: то ли индейских, то ли... Руки вымазаны глиной или пластилином. Вид только очень уж болезненный, вон как морщины проступили. Глаза красные, налитые кровью; веки тяжелые, опухшие.

В узорах Харин не разбирался совершенно, а вот словесный портрет и собственное мнение нарисовались сразу. И ясно было, что ничего особенно серьезного на душе у скульптора нет. Разумеется, выпивает. А вот затаенной боязни попасться на чем-то в глазах нет. Не ощущается. Боль только заметна: или своя, или кого из близких похоронил недавно. Харин довольно редко ошибался в своей оценке подозреваемых, чем весьма гордился. А сейчас стало ясно, что впереди примерно час пустого разговора. Хорошо, что в тепле, но других плюсов у беседы явно не будет.

Через полчаса опер убедился в этом приблизительно в сотый раз. Да, про смерть студента скульптор слышал от бульдозериста — есть здесь такой, за небольшую плату чистит проезд к мастерской после снегопадов. Нет, конечно, не знаком был с парнем. Про менеджера и бабку даже не знал. Приезжает, работает, уезжает. Знакомством с губернатором в воздухе не тряс, но копия бюста со знакомым всей области одутловатым лицом стояла на видном месте, рядом на стене висел целый набор дипломов и грамот, некоторые еще с серпастым-молоткастым гербом. Ну да, человек в возрасте, успел прославиться еще тогда.

В скромной гостиной, словно чудом выпавшей из восьмидесятых, — полированная мебель, пузатый телевизор, много потрепанных книг на полках, продавленные кресла — было изрядно накурено. Михеева Харин выгнал бы курить на улицу, но смолил и сам хозяин, доставая из портсигара самокрутки, так что крыть было нечем.

— А где же, собственно, мастерская, Лев Адольфович? — со скуки уточнил Михеев, туша в массивной керамической загогулине очередную папиросу. Там, в пепельнице, уже было целое кладбище разнокалиберных окурков, выбрасывал их хозяин, видимо, раз в году.

Куда ему еще курить, явно же болен, вон как раздирается кашлем.

Уходить операм не хотелось: тепло, тихо, довольно забавный собеседник с постоянными академическими отступлениями в ненужные стороны, но пора. Протокол опроса написан и подписан, ничего полезного. Ноль помноженный на ноль.

— Вам действительно интересно? — засуетился Развальский, снова закашлялся, потом ткнул в свою помойку самокрутку, вскочил, нервно поправляя так и не снятый фартук. — А пойдёмте, молодые люди, пойдёмте! Я вам

все покажу, тяга к искусству в наше время — редкая черта характера. Можно сказать, уникальная. В следующем поколении уже не будет нас, скульпторов, художников. Все сожрут компьютеры, помяните мое слово. Вы-то доживете, вы увидите!

Харин неопределенно пожал плечами и тоже встал. Надо бы осмотреть для полноты картины, хотя смысла в этом ровным счетом нет. Не впервой, прикинемся любителями творчества.

— Осторожно, свет здесь есть, но лампочка перегорела! Сменить бы, да вот все руки... Не до того, не до того.

Переход из дома в мастерскую, которой и оказалась та самая приземистая пристройка, являл собой длинный неотопливаемый коридор. Холодно, сыро, пахнет мышами — ну да скульптуры не картины, не сожрут. Потом тяжелая, обитая старинным войлоком для тепла дверь и мастерская. Лампочку, выходя открыть непрошеным гостям, Развальский не отключил, так что светло, хотя ни одного окна. И тепло, в отличие от коридора.

— Они есть, окна, есть! — суетливо уточнил хозяин. — Просто сейчас свет плохой, зимний, я предпочитаю электричество. К весне сниму ставни, посветлее будет, а пока вот так, молодые люди. Пока вот так.

Мастерская напоминала средней руки музей в процессе бегства из-под бомбежки. Тумбочки, подставки, мольберт с невнятной загогулиной наброска на холсте, краски в банках и тубиках всех цветов, кисточки, коробки с пластилином, хитроумные конструкции из проволоки, служащие скелетами для макетов скульптур, белеющий в углу мешок гипса, ванночки, пробирки, пустые бутылки и еще одна массивная пепельница на краю заставленного всякой всячиной рабочего стола. Над всем этим великолепием сияла мощная, ватт на триста лампочка, от которой даже сюда, к входу, доходил ощутимый жар. У дальней стены стояло плотно укутанное брезентом нечто, метра два в высоту. Исходя из профессии хозяина, очередной шедевр. Не иначе, скульптура супруги губернатора.

— Занятно... — протянул Харин. На самом деле ему было невероятно скучно наблюдать весь этот рабочий бардак. Искусство... Да кому оно нужно, если вдуматься. Нет больше никаких микельанджелов, не нужны, а вот танчики это тема. — А что у вас там такое завернуто?

Развальский, увлеченно объяснявший Михееву что-то о технологии литья бронзы, вдруг замолчал. Будто поперхнулся. Потом медленно повернулся к Харину и сказал:

— Это... Это дело всей жизни. Последняя любовь, если хотите, господин капитан. Но я вам лучше не стану ее показывать, хорошо? Мне кажется, к делу она отношения не имеет.

Сам Харин согласился бы, из равнодушия и желания поскорее отбыть — все же обедать пора, но напарник и здесь влез со своим мнением:

— А покажите, покажите, Лев Адольфович! Вдруг у вас там спрятано что важное. Например, труп.

Глупая шутка повисла в воздухе, но Развальский отреагировал до странности бурно. Он подскочил к Михееву, довольно легко приподнял над полом, схватив за отвороты дубленки, и процедил:

— Не надо так говорить! Не надо! Она живая!

«Псих, — лениво подумал Харин. — Все они психи, эти творческие люди. Уж лучше быть простым, как табурет, хоть не спятишь».

— Успокойтесь, профессор! — «Почему я его так назвал? Вот бред. Сумасшествие заразно». — Отпустите Виктора и снимите накидку со статуи. По-жа-луй-ста. — Последнее слово он процедил по слогам, грозно глядя на старика, уже поставившего ошеломленного Михеева обратно на пол. Ругаться, учитывая губернатора — да и прочее, — не хотелось, но реакция скульптора удивила и насторожила.

— Как хотите, — ссутулился хозяин и медленно, обходя свои рабочие завалы, направился к дальней стене мастерской. — Я никому не показываю... сам, только сам иногда, но раз требуется... — Он дошаркал до укрытой брезентом фигуры, поднял руку и, кашляя, сдернул ткань на пол.

Девушка была действительно живая. Не в смысле из плоти и крови, нет — какой-то непонятный, мягкий на вид материал, нежным янтарным светом засиявший в лучах прожекторной лампочки под потолком. Полупрозрачное воздушное нечто. Скульптура. Всего лишь скульптура, но... она была гениальна. Бюст губернатора и прочее барахло, в изобилии стоявшее в мастерской, рядом не лежало с этим шедевром. Оно было не просто в разы хуже, нет. Оно все было зря. А почти обнаженная, с небрежно накинутой на плечи — и ничего, по сути, не скрывавшей из прелестей, — тщательно изображенной воздушной тканью, богиня была настоящей. Казалось, вот-вот — и девушка сойдет с невысокого постамента, прямо точеной узкой ступней на грязный пол, поднимет голову и скажет...

— ...твою ж мать! — выдохнул забывший о странном поведении скульптора Михеев.

Харин был с ним согласен как никогда.

Развальский как сдернул брезент, так и стоял к ним спиной, не поворачиваясь, не в силах оторваться от своей богини:

— Я сам боюсь смотреть на нее лишний раз. Она же не молчит. Она же плачет внутри и просит меня не скрывать ее от людей. Она хочет жить, и — вы знаете! — у нее что-то начинает получаться. Сначала она тянула жизнь из меня, я-то чувствую, я знаю, но у меня почти ничего не осталось. Иногда только подхожу, раз в несколько дней, сниму брезент и люблюсь. Недолго, очень недолго. Она теперь меня жалеет, но становится все лучше, все... живее. Понимаете?

Харин его не слушал.

Он словно попал в туннель, где не было ничего вокруг, только гладкие серые стены, отполированный вечностью ствол гигантской пушки: с одной стороны он, а там, впереди — она. Богиня. Свет. Любовь. Манящая к себе непреодолимая сила, у ног которой стоял этот

смешной умирающий человечек, с его сутулой спиной, со слипшимися паклей волосами, с дурацкой бородкой клинышком.

За спиной Харина, медленно, зачарованно шедшего к статуе, раздался выстрел. Капитан очнулся от миража, серые стены растаяли, а сам он обернулся. Когда Михеев достал табельный ПМ, когда передернул затвор — Бог весть. Но выстрел смог вырвать Харина из наваждения — уже спасибо.

Правда, благодарить было некого — забрызганный алой кровью потолок словно навис над трупом в поношенной дубленке.

— ...она просит любви, она просит дать ей силы ожить, — бубнил Развальский. — Я иногда снимаю брезент, она сама находит чужую силу. Она — богиня. Ей можно. Ей нужно! Она сама зовет тех, до кого сможет дотянуться. И сейчас, и вот сейчас...

Харин достал пистолет, стараясь не смотреть на бурую лужу под головой напарника, на брызги повсюду, один из которых украсил эскиз на мольберте, сделал его совсем уж абстрактным. Дослал патрон и, почти не целясь, выстрелил в статую. Сейчас. Только сейчас, пока голова ненадолго избавилась от беззвучного шепота, от серой трубы коридора. Сейчас или вообще никогда.

Пули впивались в странный материал статуи, словно в плотное тугое желе. Видно было, как ее встряхивает от попаданий, как кусочки свинца проходят внутрь, застревая в конце пути. Скульптор визжал что-то, кажется, даже упал на пол и бился там в истерике. Не до него. Еще выстрел. Еще. Если не получится — облить все здесь бензином и сжечь к чертовой матери, пока эта янтарная тварь не сгубила всех, до кого дотянется, в напрасных попытках стать живой.

Последняя пуля попала в опущенную вниз руку скульптурной фигуры, отбила ей пальцы, и это стало началом конца. Статуя словно треснула по множеству линий сгибов, разрывов, отверстий от пуль, распалась на части, разлетаясь по мастерской. Голова богини упала рядом с лежащим на полу стариком, он протянул обе руки к ней, схватил, прижал к себе, будто пытаясь спасти и согреть. Скульптора ощутимо трясло, он всхлипывал и неразборчиво бормотал что-то.

Один из кусков бывшей статуи долетел до Харина, ударился об его ботинок. Сунув пустой пистолет в кобуру, капитан наклонился и поднял странно мягкий, теплый, трепещущий фрагмент чужой плоти. Показалось, что он гладит по нежной щеке кого-то родного. Жену, которой больше не было? Нерожденную дочь? Он сам не знал, просто держал частицу этого янтарного сияния на ладони одной руки и гладил кончиками пальцев другой. Странное чувство не нарастало, но и не отпускало.

Харин просто стоял, застыв на месте, а где-то глубоко внутри тонким пульсом, в ритме мелодии приглушенно зазвонившего телефона мертвого Михеева — ...ведьмаку заплатите за то и за это... — билась мысль: «Странных смертей в парке больше не будет».

Но и его жизнь кончилась.